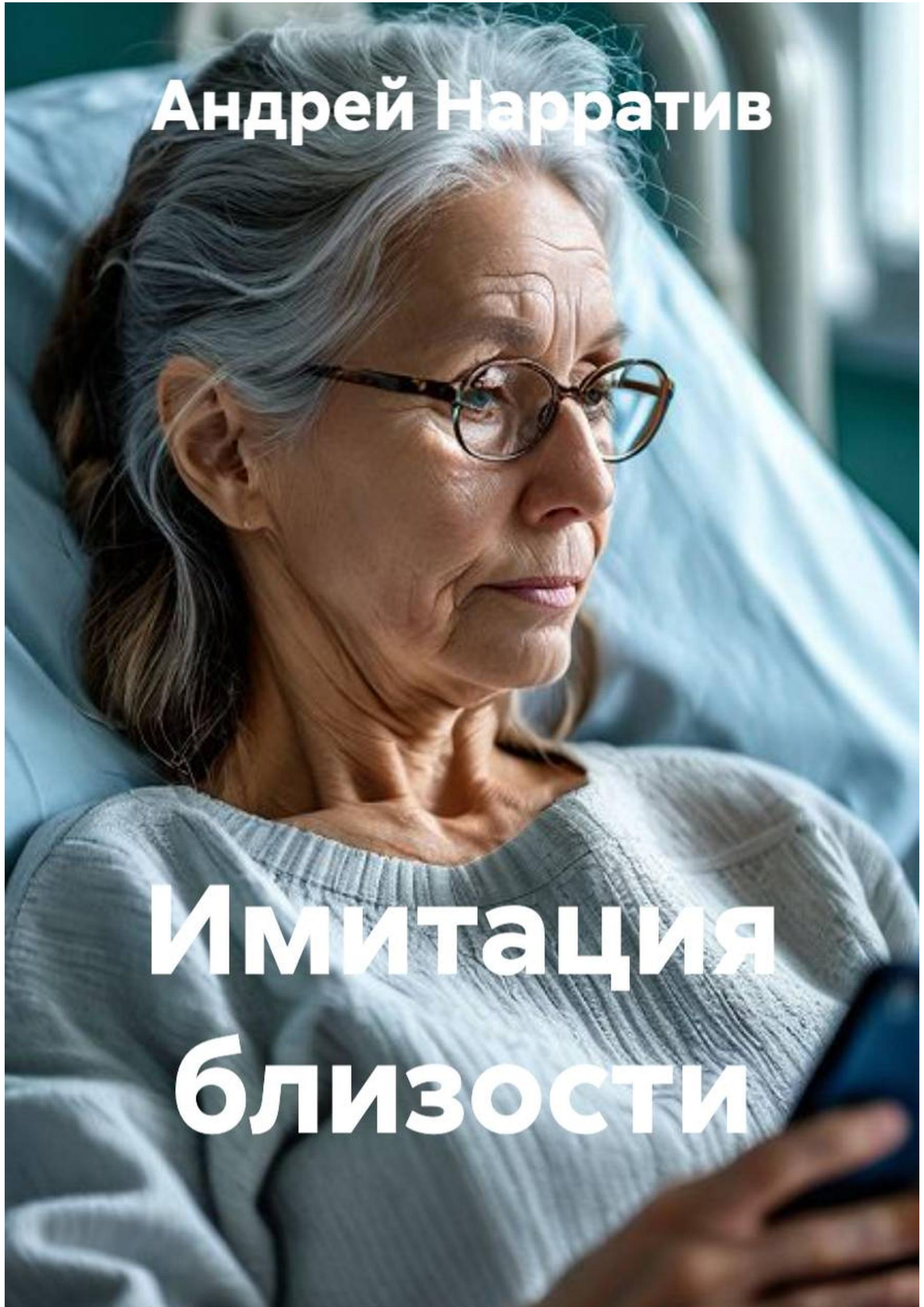

A close-up photograph of an elderly woman with grey hair tied back, wearing round glasses and a grey sweater. She is looking down at a smartphone held in her hands. The background is a blurred hospital room with blue bedding.

Андрей Нарратив

**Имитация
близости**

Андрей Нарратив

Имитация близости

«Автор»

2026

Нарратив А.

Имитация близости / А. Нарратив — «Автор», 2026

Вы давно обнимали своих родителей? Не просто разговаривали по видео. Не просто переписывались в мессенджере. А видели в живую? Эта история рассказывает о том что уже могло случиться с вашими близкими.

© Нарратив А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Имитация близости

Глава

Слой первый. Имитация близости

Она уехала из Тюмени в Усинск — за любовью. И за тишиной, о которой тогда ещё ничего не знала. Так бывает: за мужем, за переменной обстановки, за мечтой о крепкой семье. Муж за хорошим заработком и за запахом тайги, который сначала пьянит, а потом въедается в поры так, что не отмыть. Александр нашёл вахту, потом контракт, потом хорошую ставку на сервисном предприятии по добыче.

Вера сначала сидела дома. Грела стены, варила борщи и училась жить в чужом городе — в тишине, к которой невозможно привыкнуть. В Усинске особая тишина. Она не мягкая, как плед, а ватная, глухая. Снег здесь лежит по семь месяцев в году, а остальные месяцы — ни весна, ни лето, а грязное месиво, которое называют «распутицей». В этой тишине Вера сначала разговаривала сама с собой. Сначала по делу: «Надо купить молока». Потом — просто чтобы слышать себя.

А потом начала отправлять голосовые маме - Зинаиде Константиновне. Болтали о погоде, о семейных делах, о мелочах, из которых и складывается жизнь. Вере казалось, что они с мамой стали ближе чем когда жили недалеко друг от друга в Тюмени.

На четвертом году жизни на этом краю света родился Егорка.

Роды были тяжелыми, долгими, Вера потом говорила, после тех суток жизнь стала другой — как будто её подменили. Мать звонила тогда, рыдала в трубку: «Верочка, может, приехать? Я брошу всё, отец соберет, я прилечу, как же ты там одна?» А Вера смотрела на сморщенный красный комочек и отвечала устало: «Мам, ну кого ты здесь будешь смотреть? Я справлюсь. Вы берегите себя».

Мама писала потом длинные сообщения. Про заговоры, про то, как сама рожала, про то, что пеленки надо гладить с двух сторон. Вера читала по диагонали, потому что некогда. Потому что кормления. Потому что колики. Потому что муж пришел с вахты и ему нужен ужин. «Всё ок, мам», — написала она, впервые не дочитав до конца, запеленывая орущего Егора одной рукой. «У вас-то как?»

Зинаида Константиновна писала снова. Про отцову коленку, про то, что картошка в этом году мелкая, про соседку с пятого этажа, которую увезли на скорой. Вера кивала экрану, ставила смайлик и шла укачивать сына.

Егор рос. Пошел в садик, когда ему исполнилось два с половиной. Вера выдохнула. Сначала было чувство вины — «сдаю ребенка чужим теткам», но потом оно притупилось. Ей нужно было работать. Не столько для денег, сколько для себя. Чтобы из тишины квартиры, пропахшей кашами и подгузниками, вырваться в мир, где пахнет бумагой, офисным клеем и «взрослой» жизнью.

Она устроилась кадровиком в маленькую конторку. Тридцать два человека, бумажки, трудовые книжки, графики отпусков. Работа для рук, не для головы, как она сама думала.

Она приходила с работы уставшая, забирала Егора из сада, кормила, купала, читала сказку, падала без сил. А в телефоне копились сообщения.

«Привет, дочь. Как там наш внук? Прислала бы фото, как он на горшок садится, мы с мамой радуемся», — отец. «Всё ок, пап», — Вера, прикладывая холодное полотенце к ноющим ногам.

«Солнышко, как вы там? Как Саша? Кушаете хорошо? Егорке купили зимние сапожки? Там цены, наверное, зверские, но ты не экономь на здоровье, мы тут собрали немного, переведу на карту. А у нас снег уже лег, отец дорожки чистит, я пирожков с капустой напекла. Помнишь, как ты любила?» — мать.

Вера смотрела на это сообщение вечером. Она действительно любила пирожки с капустой. Материнские, с тонким тестом, промасленные, с хрустящим бочком. У нее невольно потекли слюнки, и к горлу подкатил теплый комочек ностальгии. Она хотела ответить что-то тёплое, но тут из кухни закричал Саша: «Вера, Егорка твой молоко пролил! Чего разлеглась?»

Она вскочила, пошла вытирать молоко. А потом, уже лежа в постели, увидела непрочитанное сообщение и устало ткнула: «Все ок, мам. У вас как?»

Родители жили в Тюмени. Старики. Отец ещё крепкий, мать с давлением, но держится. Они виделись редко. В отпуске Вера с Сашей и маленьким Егором летали сначала в Турцию, потом в Грецию, потом в Дубай. Тёплое море, «всё включено», аниматоры, которые развлекают ребёнка, пока родители пьют коктейли. Родителям Вера отправляла открытки с морскими пейзажами. Мать писала: «Красота-то какая, доченька! Рады за вас. Конечно, езжайте, пока молодые, пока силы есть. На нас, стариков, всегда успеете посмотреть. Мы никуда не денемся».

И Вера верила. Они же правда никуда не денутся. Они же фундамент. Ты не думаешь о нём, пока он держит. Они вечные.

Так прошло ещё несколько лет. Егор пошёл в школу. У Веры появились свои маленькие традиции: по пятницам они с сыном пекли печенье, а в субботу смотрели мультики. Жизнь устоялась, обрела форму и вес. Сообщения от родителей стали просто частью фона, как тикающие часы на кухне. Тикают — и ладно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.